

ю р и й
а б р о с и м о в

ПОЖИТКИ

для тех,
кто умеет
читать

{ РО М А Н - Д Н Е В Н И К }

Юрий Александрович Абросимов

Пожитки. Роман-дневник

Серия «Для тех, кто умеет читать»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6277998

*Юрий Абросимов. Пожитки. Роман-дневник: Центрполиграф; Москва;
2013*

ISBN 978-5-227-04626-0

Аннотация

Роман-дневник, отправляющий читателя в путешествие из Советского Союза в современную Россию. Литературная хроника, в духе писателей быта – от Довлатова до Буковски. Главный герой – журналист средних лет, мизантроп и стихийный философ – недостающее звено между миром столичной помпезности и рядовым народонаселением. В попытке быть единственным он становится таким, как все. Ставка на внутреннюю эмиграцию проваливается. Последний экзамен – право называться гражданином и отцом.

Содержание

Часть первая	5
Дислокация	5
Исчадие родства	18
Касание пола и сигареты	32
Школа	47
Медиа масс	63
Вещественные доказательства	77
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Юрий Абросимов

Пожитки. Роман-дневник

Моему деду Ивану

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Часть первая

Исполненный город

Дислокация

В жизни главное – оказаться в подходящей среде.

У моих знакомых одно время в стаканчике с водой стояла пара былинки, привезенных из Пакистана. Одна с тремя листочками, а другая так, без листочков. Обе зеленые. Предполагалось, что они пустят корни, их пересадят в кадку с землей и на свет появится нечто невиданное.

Наблюдать обычные сорняки, ничем не отличающиеся от среднероссийских, знать об их происхождении, по-настоящему мифическом на взгляд жителя очень восточной Европы – значит лишь чуточку догадываться о возможных внутренних переживаниях этих безропотных трав. Вместо того чтобы, украшенными бесплодной пылью, колебаться под изнуряюще влажным зноем пустыни, призреть течение времени, подобно желтому ветру, совершающему один и тот же круг, после чего наконец сгннуть под копытом какого-нибудь флегматичного camel'a, былинки эти ошарашенно торчали из стакана на русской кухне, изучая вид за окном. Окно покрывалось изморозью, сквозь плохо законопаченные

щели вокруг окна дула смерть. Однако былинки не умирали, поскольку родились в местности, где вода символизирует вечное бытие. Питательная влага доходила им «до пояса» и успешно боролась со смертью, но пустить корни они не решились. Тому препятствовали чувства внутри былинки, осознание судьбы, способной сделать с тобой все что угодно – слепо избрать из числа многих прочих, вырвать из родной почвы, перенести на другую планету, оставить, забыть...

Шли месяцы. «Ниже пояса» былинки становились черными.

– Они гниют, – констатировали мои наблюдательные знакомые.

Та, которая без листочков, действительно малость подсохла. Зато другая по-прежнему притрагивалась к окружающей серой мгле тремя зелеными блюдцами, с маленькими зазубринами по краям. Черный цвет ее стебелька исключал увядание.

«Они не гниют, – догадывался я, – они надевают траур».

* * *

Сегодня метр квадратный в Городе Детства стоит сумасшедшие деньги, а в то время он вообще ничего не стоил. Его добывали несколькими способами:

1) мановением волшебной палочки, то есть номенклатурно;

2) по распределению, то бишь умом, или

3) тривиально, иначе – по прихоти судьбы.

Отдав предпочтение последнему способу, моя семья догадалась частично использовать и первые два.

Известно, что даже тяжелые болезни дети переносят легче взрослых. Правда, коклюш или свинку трудно сравнить с пересадкой души, а в моем случае нечто подобное и разверзлось.

На прежнем месте жительства жизнь казалась светлее. Там ходили железнодорожные составы (гудок одного из них однажды слегка изменил меня). Там работал настоящий кинотеатр. Продавались грандиозные пирожные. Мороженое было натуральным, а не крашеной водой, как сейчас. Ездил «мой любимый автобус пятый». И повсюду висели большие буквы: «ФОТО». Я всегда читал их вслух – первую игнорировал, а остальные преподносил следующим образом: «ноль-молоток-ноль».

Там отсутствовали понятия тоски, горя, страха и счастья. Бал правили радость, восторг, веселье и иногда вселенского масштаба катастрофы.

Да, в школу я пошел не в Городе Детства, но школа просто не успела за один месяц отравить жизнь. Она вообще ничего не успела. Мое существование продолжала регламентировать бабушка – милейшее существо, по дробнее о котором мы поговорим ниже.

Если вы сможете представить себе рафинированно-забро-

шенного ребенка, то – приятно познакомиться. Возможно, мне посчастливилось долгие годы провести в таком месте, где сверху на тебя нисходит поэзия... Не знаю, насколько понятно я излагаю такие вещи... По правде сказать, о магической силе некоторых слов я догадался прежде, чем научился чтению. Дополнительные возможности открыл букварь. Алгоритм простой. «А» и рядом арбуз – следовательно, производим «а». «Б» и тут же барабан – на очереди «б». Алфавит был изучен так, как пьют алкоголь алкоголики – «винтом».

Далее пошла разнообразная литература, исключая стихотворную. Делалось просто. Забреедем в книжный магазин и начинаем по порядку терзать все тонкие книжки большого формата. Открываем и видим столбик, последние слова в рифму.

– Фу!

Открываем другую. Идет сплошной текст.

– Берем!

Постепенно очередь дошла до журнала «Здоровье». Однажды, читая, по своему обыкновению, заголовки, набранные крупными буквами, я внятно, вслух произнес:

– РАК ШЕЙКИ МАТКИ!

Реакция окружающих потрясла воображение. Подобным же образом ведут себя муравьи, когда в их тщательно выстраиваемый дом-храм втыкают палку.

Я хорошо понимаю татан и бабку, находившихся под гнетом общественно-исторической формации. На дворе лю-

тый застой. Иной анекдот означал дорогу в тюрьму. Пятилетний малец. Никто из соседей не услышит. От такой эклектики впору сойти с ума!

Вокруг забегали, ко мне подскочили, зашикали, стали подмигивать, вытягивать из рук журнал.

– Тихо-тихо-тихо! Никому не говори! Нельзя-нельзя! Страшные слова!

Я запомнил. Когда отчего-то становилось скучно, внутренне предвкушая, я проводил несколько сокровенных минут, вставал в позу, и...

– ШЕЙКА МАТКИ!!!

Уже тогда зародыш вкуса отсеял слово «рак», явно не относящееся к делу. Остальное взрывало муравейник в два счета.

Магическим словам предшествовали магические буквы. Хоть бы раз кто-нибудь поинтересовался: «Мальш, ты, я смотрю, пишешь все время. А почему не рисуешь?»

В самом деле, альбом для рисования изводился мной по-чем зря. Каждая страница посвящалась отдельной букве, которую я изображал многократно, варьируя размеры.

Почему не рисую? Тот же самый вопрос оставил брешь в моем сознании, когда впервые перед школой, наравне с остальными членами подготовительного класса (шла проверка на умственную отсталость), я получил элементарное задание – чего-нибудь нарисовать!

Я опешил. Вокруг немедленно принялись царапать ручка-

ми, карандашами, перьями, мазать кисточками, скрипеть ластиком. Они три-умф-ство-ва-ли! Они занимались привычным делом, каковое в их семьях успешно насаждали. Я же сидел перед чистым листом бумаги, с ужасом понимая, что надо изобразить не знак, а объект.

Кто знает, сколько мучений выпало на долю изобретателя колеса? Каких усилий стоило научить летать бескрылую сволочь? Мне пришлось успешно через это пройти примерно за полчаса. Группу треугольников, овалов и прямых линий в результате признали летней лужайкой, поросшей дивными цветами. Ффу-у-у!..

В Городе Детства лета не было. По крайней мере, лета ощущаемого. Периодически приходило время года, когда удавалось выбежать на улицу в одной рубашке, не рискуя подхватить ангину. Когда целых две июньские недели кряду продавали клубнику, а спустя некоторое время, в августе, еще три недели кряду *выбрасывали* болгарские помидоры-«пальчики» – мятые, как использованная туалетная бумага, и столь же грязные. Но их все-таки мариновали, совали в восьмисотграммовые банки из-под болгарских же томатов – при условии, конечно, что удастся по жуткому благу достать крышки для консервирования (количество алюминиевых баночных крышек в стране существенно уступало числу крылатых ракет).

Еще хуже было с туалетной бумагой. Никогда не забуду, как я гордо вышагивал по улице с гирляндой рулонов на шее

и поминутно отвечал на заискивающие вопросы сограждан:

– А г-где?.. Бумажку-то г-где... б-брали?

– Тама, – великодушно махал я рукой за спину, – в магазине.

Граждане вприпрыжку бежали в магазин.

А еще летом лили дожди. Городские власти почему-то раздражала девственность леса под нашим окном. В ту пору, прогуливаясь возле подъезда, удавалось набирать полсумки грибов. Наше окно находилось высоко, вровень с лесной кромкой. Все закаты устраивали показательные выступления – знай смотри. Но в один далеко не прекрасный день часть леса вырубил (что само по себе довольно притягательно, как и любое убийство), вместо него оставив котлован для первой в Городе шестнадцатиэтажки. Отважиться на столь грандиозную высоту решились только года через четыре, а до тех пор лето исправно мочилось в вырытую яму, чем мы с удовольствием пользовались. Плавали на плотках, топили крыс...

От вавилонов до нас всего километров двадцать. На всем пути не торчало ни одного светофора (сейчас их десятки). Так называемые дорожно-транспортные происшествия, конечно, случались. Куда ж без них! Но в памяти осталось единственное.

Как там все произошло, я не видел. Когда прибежал, легковушка с разбитым передом стояла поперек шоссе. Автобус-«пазик» еще дальше, метрах в сорока, уткнулся в столб,

на асфальте чернел тормозной путь. Милицейская машина в целости и сохранности притулилась на ближней к нам обочине. А рядом с милиционерами находилось главное – женское тело, которое не удавалось полностью закрыть простыней. Жертву разорвало на две части почти полностью, и выпавшие внутренности в интересах следствия должны были оставаться там, где их разбросал слепой Рок.

«Дамы и господа! Внимание! – беззвучно мелькали фразы в такт проблесковым маячкам. – В первый и последний раз! Гастроли Анатомического театра! Удар Судьбы и никакой подтасовки! Дети и несовершеннолетние допускаются!!»

Не знаю почему, но в детстве похороны всегда вызывали у меня улыбку. Труп на шоссе достаточно хорошо возбуждал любопытство, времени на эмоции не оставалось. Я видел перед собой огромную блестящую печень, вывернутую ногу, клубившийся кишечник. Его, кстати, позже собирали столь небрежно, что нам тоже немножко досталось. Одну тонкую кишку я еще дней десять спустя заметил свисающей с крыши автобусной остановки. Ничего не подозревающие люди в ожидании своего рейса топтались рядом. Для них это было нечто такое... непонятное... висит, болтается...

* * *

Город Детства кажется плывущим в зеленом океане даже сейчас. А раньше он был полностью утопленным, лежал на

самом дне его. Маленькая квадратная щепка из стеклобетона. За нее цепляются тысяч тридцать населения.

Шоссе, словно пробор на голове тщательно ухоженного ребенка, делило лес на две половины. С одной стороны рос совершенно дикий лес, с другой, благодаря домам, лес обитаемый. Постепенно коробки новых зданий застолбили весь обозримый горизонт. О закатах пришлось забыть раз и навсегда.

Два центра сложились исторически. Первый, ближний к вавилонам, застраивался кирпичными хрущевками, нередко желтого цвета. Количество этажей в них варьировалось от одного до пяти. Здесь же располагалось большинство магазинов, столовая и спортзал, в котором показывали кино.

За последние двадцать пять лет появилось все, что полагается иметь приличному населенному пункту, за исключением метро и аэропорта. Как пить дать! Один запах может сказать о многом. В отличие от вавилонов, где повсеместно пахнет куревом, чебуреками и ссаньем, у нас в ходу ароматы земли, хвои и солнца. Имеются бесплатные теннисные корты, рок-клуб и конкурс местной красоты. Развитая транспортная инфраструктура. Целый букет спутниковых телеканалов практически задарма. Свое издательство с типографией. Но это сейчас. В те же времена, о которых я толкую, не было элементарной больницы. На месте второго центра росли грибы... Впрочем, о них уже говорили.

Прежних людей я не помню. Знаю, что они жили и по пра-

ву считали себя научной интеллигенцией. Главной достопримечательностью Города служили институты с ошеломляющими названиями «...ядерных исследований», «...атомной энергии», «...изучения ионосферы и солнечной энергии». Чем на самом деле занимались в институтах, никто не знал. Гораздо большее хождение имел тот факт, что директор одного из институтов владел сразу несколькими квартирами. Факт наличия у этого директора песьей головы, наверное, вызывал бы у почтенной публики менее яркие эмоции.

По правде сказать, эпитет «почтенный» здесь приводится в качестве своеобразного реверанса. Хотя, боже упаси! Я отмечаю самые наималейшие инсинуации в адрес моих уважаемых согорожан! Просто сложилось так, что каждый обыкновенный с виду дом в Городе образовывался как некий анклав, микространство, со своей отдельно взятой нацией. «Нацией» в известном допущении, разумеется.

Например, наш дом был знаменит детьми. Почему-то на весну, лето и осень они куда-то исчезали. Зато зимой, с первым же снегом, вдруг все выпрыгивали и бесились во дворе днем и ночью (преимущественно ночью).

Девятиэтажный дом слева славился скрипучим паркетным настилом в квартирах. Обитатели ходили по нему с подчеркнутым благородством, стараясь скрипеть поменьше. Многие из них мыслили чересчур уж обиходно. В три часа утра они уезжали на рыбалку, в три часа пополудни с такими же лицами приезжали. Что делали на рыбалке, для

остальных оставалось тайной. Странные люди... Они понимали толк в музыке, покупали хорошие стереофонические магнитофоны, но, ради экономии пленки, записывали в моно.

Дом напротив обживали самоубийцы. Кроме шуток! В отличие от прочих естественно умиравших обитателей Города жильцы длинного здания на Сиреневом бульваре нечаянно топились в ванне, путали уксусную эссенцию с водкой, глотали гвозди, оступались с балконов, били себя током. Их придавливала мебель, вилки прокалывали глаза, в самый неподходящий момент наступало бытовое заражение крови. В общем, ужас!

А был еще Микрорайон. Добираться до него удавалось по недостроенной в то время шоссейной магистрали под названием «БАМ». Хотя добираться ни у кого особой нужды не возникало. Расстояние пустычное – километр. Но Микрорайон как-то изначально обделили всем, что делает общественную жизнь цивилизованной. Никакими магазинами, ни даже мало-мальски плохеньким киносportзалом там даже не пахло. Там обретался пролетариат – *лихие* люди, обожающие иногда *пошалить*. Ирония обстоятельств заключалась еще и в том, что для осуществления шалостей «микрорайоновские» не спускались с горочки, а поднимались в нее – топографически Город расположен выше Микрорайона.

Да, кстати! Еще Фишер! Подлинное умертвие, маньяк крадущийся и подкапывающий. Лишь спустя годы мы узна-

ли, что за фантомом скрывался реальный преступник, но нам и легенды тогда вполне хватало. Разговоры про неуловимое чудище ходили долго, воображение рисовало какие угодно кошмары, однако суть их сводилась к одному: для детских гуляний закрыты, помимо Африки, еще и окрестные леса. Спрашивается, кого это останавливало?

Город и окрестности исследовались нами быстро и вполне досконально. В Городе можно было жить – в первую очередь из-за вполне мистического ощущения, диктуемого природой. Современные дома – обитаемые жилища инков. Мы покидали обитателей жилищ, возвращаясь обратно другими.

Однажды я пришел с лицом в полтора, а затем и в два раза больше обычного. Мы слонялись по окраинам – до тех пор, пока не вышли на заброшенную дорогу. Она вела к «убежищу пожарных». Рядом из густого многолетнего ельника торчала их наблюдательная вышка, а дорогу перекрывала большая металлическая труба. Мы играли в «догонялки». Догоняли меня, поэтому я бежал со всего духу, оглядываясь назад, чтобы не дать возможности преследователю сократить дистанцию. Бежал по асфальту, навстречу трубе, приходившейся как раз вровень с моей головой... пока мы не встретились.

Действительно, искры. Действительно, в каком-то смысле «космическое». Заслонка тьмы перед глазами, усеянная мириадами золотистых точек. Шея ощущает, как то, что поверх нее, отваливается назад, подобно капюшону. Бесполез-

но кричать, да и условия не те. На все уходит примерно миг.
БУМММ... Я опрокинулся.

Мои спутники, очевидцы спонтанно осуществленного опыта над живым человеком, относятся ко мне с плохо скрываемой опаской. Для них я сейчас – человек, переживший нечеловеческое и сумевший сохранить видимый привычный облик. Но вот тут мне пришлось их разочаровать.

Через пару минут лоб начал стремительно уплотняться, закрывая правый глаз. Пропорции лица смешивались. Спустя полчаса, когда я заявился домой, опознать меня удавалось, только игнорируя все, что находится выше плеч. Самое удивительное: благодаря исключительной легкости организма мне удалось избежать даже сотрясения мозга. А ведь я сделал примерно то, на что порой отваживаются самоубийцы, когда находятся в тюремной камере и, за отсутствием лучшей альтернативы, вдребезги разбивают свою голову об стену. В моем случае благоприятный исход вряд ли можно объяснить милостью Провидения. Повторяю, я был слишком легок, практически невесом.

Отсюда следует важное резюме: желающему удачно покончить с собой нужно иметь мозги. Для солидности веса.

Исчадие родства

Человек, болеющий постоянно в течение длительного времени, рано или поздно начинает трактовать недуг как нечто философское, как некоторое даже достоинство, вериги судьбы, тлетворно обольстительное рубище, которое посылается свыше. Растительная особь по имени Рональд Рейган представляется иной раз такому человеку, трясущийся Иоанн-Павел Второй, супруги Кюри – внешне такие обыкновенные, увлеченные. Но пораженные радиацией насквозь. Н-а-с-к-р-р-о-з-ь! Назгвбздрrrrrrrr! Бр-р-р-р! Щ-щ-щ-щ!..

Моим постоянным болезням было настолько же далеко до облучения, насколько мне самому до папы римского, хотя детская больничная карточка вашего покорного слуги по своей толщине напоминала собрание черновиков «Войны и мира». Клиническую хронологию первых лет моего оранжевого детства для компактности законспектировали на отдельном листке, каковой я однажды и умыкнул, движимый благородным стремлением «познать самое себя».

Почерки любого медика и абсолютного большинства писателей роднит фатальная неразборчивость. Содержание добытого свитка могло бы пролить свет на многие издержки, существенно отравлявшие мою жизнь, однако для достижения поставленной цели требовались способности профессионального дешифратора. Ими, разумеется, я не обладал, по-

этому автопортрет, составленный по мотивам закрытой врачебной информации, грешит известными отклонениями.

Вот в результате с кем имелось дело.

«Полуглуховатый, подслеповатый, легко возбуждаемый ребенок с неуклонно растущим половым самоопределением, турбулентно затихающим при отходе ко сну. Реакции в интеллектуальной сфере – импульсно-периодические. Совмещает «высокий полет свободной мысли» с крайне животными проявлениями. «Синдром Нерона», за незначительным вычетом в демографической плоскости, представлен полностью. Чувствует крылья. Наряжается в женские платья. Танцует. Подстрекает кукол к заговору. Пользуется любой возможностью, чтобы внимать пространным речам Генерального секретаря Коммунистической партии Советского Союза. Внимает напряженно, в туалет не просится. NB: допуск к рождению пациента следует считать ошибочным. Продолжать наблюдения».

Постепенно весь формулируемый сгусток чудовищности выродился в одну-единственную болезнь – острореспираторную, которой я болел примерно три-четыре раза в месяц на протяжении многих лет, с перерывами на летнее время. Утверждение, что «все болезни от нервов», лично мне не кажется комичным, поскольку в моем случае именно латентная истерия, беспочвенные страхи вселенского масштаба и, кроме того, еще один очень хороший раздражитель обеспечивали организму наилучшую среду для культивирования

уязвимости.

Мы уже упоминали милейшее существо под кодовым наименованием «бабушка». Под наименованием... Именно так – потому что реальная идентификация родственных связей ничего, кроме путаницы, не даст. Суть здесь гораздо важнее юридических формальностей.

Так вот, говоря по сути дела, следует отметить главное. Существо, последовательно лишившее меня детского сада, балетного кружка, курсов игры на гитаре, изучения иностранных языков и прочих развивающих дисциплин, доморощенным быдлом принимаемых за буржуазные извращения, преданно проводило со мной четырнадцать – шестнадцать часов в сутки (остальные восемь – десять я проводил самостоятельно, во сне). Оно кормило меня, обстирывало, упоенно носило на руках. Собою оно культивировало понятие чистоты – прежде всего материальной. Хотя и нравственные проступки без внимания не оставлялись.

– На колени!!! – орала в таких случаях бабушка, и в мгновение ока я оказывался поверженным голыми коленями на сухой горох.

Отголоски ее громового вопля еще метались по квартире, как вслед им звучал уже другой вопль, более величественный.

– Прощения проси!.. – повелевала бабушка, вытягивая указательный палец своей невыносимо пошлой, крестьянской длани в сторону моего ангельского чела...

«Бойтесь данайцев, дары приносящих». Особенно – данайцев женского пола, поврежденных бездетностью, с образованием три дня. По уверению компетентных лиц, все наше семейство уже давно бы сидело за решеткой, – просто бабушке не хватало элементарной грамотности. Писать доносы самостоятельно ей было тяжело, а заниматься письмоводительством под руководством *такого* человека желающих не могли заставить даже деньги.

Вот каким алгоритмом мышления обладало существо. Сначала оно полно благодушия, вступает в контакт, полностью берет инициативу с общением в свои руки, а когда оппонент начинает одуревать от игры в одни ворота, объявляет его врагом, и вот тут начинается самое интересное. Враг должен осознать свою подлую сущность. Ведь он не хотел слушать нескончаемую летопись бабушкиной жизни, заучивать длинный список бабушкиных побед над другими врагами, не стремился думать, как она, позволял себе хотя бы в чем-то не соглашаться с ней, наконец – самое страшное! – отказался делать все то, что приказывает делать бабушка, и делать так, как она считает нужным. Для полного, коренного и безоговорочного исправления «змеи проклятой», которую бабушка воспитала и, можно сказать, «всю жизнь на него, тварь такую, угробила», устраиваются многочасовые профилактические беседы, несчастного подвергают массируемым атакам, к травле подключают общественность (прежде всего из числа близких родственников несчастного и знакомых).

– Я вам еще позвоню! – грозилась бабушка. – Что, думаете, я из деревни, так у меня телефона вашего нет?! Вшивая команда!

Вслед за тем она могла, не прощаясь, удалиться и, после того, как вы облегченно перевели дух, зайти снова, со словами:

– У меня, если телефона нет, мне люди скажут. Я вот еще на работу к тебе схожу (здесь она виртуозно переходила на «ты»). Чтоб тебя начальник вызвал и показал, как над бабушкой издеваться. Я всю войну...

Подключив слезные железы, бабушка продолжала речь сморщенным гадким лицом:

– ...всю войну из-за таких вот гадов прошла... застудилась...

Обычно ее вышвыривали, после чего могли еще несколько минут пожить относительно спокойно. Потом бабушка возникала вновь, с финальной анафемой:

– И чтоб больше не ходил ко мне!! Спокою не дают!.. Всю линоль затоптали! Я что вам, уборщица?! Мне квартиру мыть целое дело! Помочь некому!.. И-и-и. И не стыдно!.. Эти...

Далее шли помои, обильным потоком выливаемые на нас с тапан, бабушку снова вышвыривали, и весь цикл многократно повторялся.

Для нее никогда не существовало приличий, отличающих человека культурного от просто вменяемого. Например, она,

будучи все-таки женщиной, не понимала – что такое цветы. То есть в принципе не понимала! Она брала букет как веник и, если не могла выбросить сразу, тупо сидела с ним. «А на кой они мне?» Дальнейшей рационализации отношения не следовало. «А на кой они мне?» И все.

Весь Город, без преувеличения, знал бабушку и относился к ней соответственно. Нас жалели, хотя заметно оживлялись после очередной ее единичной выходки или сезонного криза. О ее похождениях рассказывали почти с восторгом, не забывая вставлять полагающееся по этикету «как же они с ней мучаются!».

Бабушка тоже знала Город, но знала так, как, например, человек подозревает о существовании естественной микрофлоры у себя во рту. Понятно, она есть, но это ничего не значит.

Прожив долгие годы в невысоких домах, так же лишь «зная» о существовании в природе многоэтажек, бабушка, переехав с нами на новое место и впервые выйдя на балкон девятого этажа, конечно, испугалась. Я помню тот испуг. Сейчас, когда по телевизору показывают японских электронных собачек, их искусственный лай что-то до боли мне напоминает.

Если бабушку угощали каким-нибудь деликатесом и говорили, что это вкусно, она немедленно начинала жевать, старательно закатив глаза.

– М-м-м! – восклицала бабушка еще до того, как что-то

почувствует. – М-м-м, как вкусно! М-м-м... м-м-м... надо же... м-м-м, – она еще раз откусывала, – м-м-м... вкусно как... м-м-м... м-м-м... надо же, м-м-м... м-м-м... м-м-м...

Ее просили заткнуться и, если рядом были посторонние люди, стыдливо резюмировали:

– Этого она не понимает.

Патология сказывалась в самых разных областях жизнедеятельности. Особенно в сугубо интеллектуальных. Скажем, искусство диалектики – умение спорить, отстаивать свою точку зрения. То, что бабушка всегда права, думаю, объяснять уже излишне. Однако ее аргументация отличалась достаточным многообразием, ведь эгоизм пределов не имеет. Исчерпав посильные доводы, бабушка могла торжественно встать и, обратившись фронтальной стороной к красному углу, размашисто осеняя себя крестным знаменем, провозгласить во всю мощь своей деревянной глотки:

– Шштоп тебя, суку-проститутку, Бог наказал! (Господи, прости меня, грешную.) Штоп ее, тварь такую! За то, что я вас всех, тварей, вырастила, на горбу таскала...

– Скорее тебя Бог накажет, – со знанием дела отвечал прокливаемый.

– Нет, тебя! Нет, тебя! – радовалось престарелое существо.

Один период клиничности сменял другой. Помню, долгое время она тщательно следила за тем, как домочадцы ходят в туалет. Вы могли ничего не подозревать, жить себе спокой-

но, отдыхать, листая журнал, – вдруг к вам бесшумно приближалась благодетельница рода человеческого, держа в руке стакан с мутным варевом.

– На вот, выпей, – говорила она.

– Зачем? Что это?!

– Выпей, я сказала!

– Сама пей! Отстань от меня!

Бабушка выдерживала многозначительную паузу.

– Ты уже третий день *не ходишь*.

– Чего?!!

– Пей! Иначе я все другим расскажу. Когда крепит – вредно. На, слабительное.

Разверзлся скандал. Бессмысленный. Беспощадный. Так продолжалось годами...

Вы все еще думаете, что убивать людей – грех? Даже тех, кто убивает вас? От кого вы не можете, в силу различных уважительных причин, избавиться? С кем вынуждены делить одиночную камеру?

Сквозь пелену беспробудной гриппозности я относился к Городу как заложник относится к террористу, когда террориста начинают любить только потому, что слишком много пережито вместе. Одинаковая мгла за окнами, одинаково скверная пища (картошка ломтями потолще, хлеб ломтями потолще, все на сливочном масле, чтобы плавало – для здоровья полезно). Вы – в клетке, рядом канарейки. В клетке. Канарейкам покупают корм, сразу килограмма три, и дают

порциями. Меняют подстилку. Канарейки поют. У нас в семье покупают продукты. Если повезет – много. Готовят порциями, «меняют подстилку». Я ору.

Если мы – то, что мы едим, значит я – дебил. Причем деревенски-наследственный. Сыр и клубнику меня не могли заставить есть годами. Причин отказываться не было никаких, «дерусь, потому что дерусь». Да мало ли...

Однажды решился есть рыбу. Решился, увлекся, подавился. Полтора дня кость, распятая посреди горла, отделяла жизнь от смерти. Так мне казалось. Но когда медсестра стала подходить ко мне с чем-то металлическим и блестящим, я легко проглотил эту кость и больше ее не чувствовал. Возможно, она до сих пор во мне, в аппендиксе. Ждет.

В другой раз ел шампиньоны, отравился почти полностью. Познал удивительное самосожжение плоти. После сорока одного градуса по градуснику плоть невесома. Душа, подобно шаловливой возлюбленной, садится верхом на твой живот – сидит и молча смотрит тебе в лицо. Ты встречаешься с ней взглядом, хотя веки твои прикрывают красные вспухшие беспамятные глаза.

У фирменного заболевания главным атрибутом служил кашель. Кашель такой, что соседи иногда заходили с требованием прекратить. Бабушка их выпроваживала, потом долго шаркала по квартире, монотонно варила целебные снадобья, злобно пришепетывала:

– Не понимают, ребенок болеет, колдуны проклятые. В

следующий раз придут, я им покажу. Я им все скажу. Я еще напишу куда следует. Они думают, на них управы нет. Твари такие...

Наступала ночь. Изредка во тьме ползли бабушкины реплики:

– Не понимают, ребенок болеет...

Начинался мерзкий храп. Под утро она брела в туалет, ворча сквозь зубы:

– Наколдовали, колдуны проклятые. Думают, я не узнаю. Я кылы подъезда сидела. А то мне люди не скажут... прррр-ститутки!

Утром, проснувшись, она нависала надо мной с предупреждением:

– Ты, будут они спрашивать, скажи – я с бабушкой останусь жить. Ничего им не рассказывай. Я тебе по секрету говорю.

У вас начинался очередной, многотысячный по счету день вечной болезни – с кашлем, соплями, воспаленным горлом и слабостью. Они заполняли все ваше прошлое, покушаясь на будущее. А настоящим распоряжалось существо, которому формально вы были обязаны всем – заботой, уходом и лаской. Доисторический двуногий парадоксально мыслящий реликт, нечаянно просмотренный зоологами-каталогизаторами. Он вздымался над вами всецело, своеобразно и целокупно. Приговаривая:

– Они знаешь какие? У-у-у... Аля-улю! Ты бабушку слу-

шай. Будут что говорить, скажи – я с бабушкой хочу жить.

Этот яркий представитель высокоорганизованного скота не терпел пререканий. Забота его проявлялась только в том случае, если подопечный расписывался в абсолютной зависимости. Надлежало безукоснительно следовать заданным установкам. Требовалось беспредельное послушание, какое в общем-то присуще детям до известного возраста. Но и детскому терпению приходит конец. Хотя бы временный. И бесполезный.

Как-то зимой очередной недуг отправил меня в постель на целых три недели. Лежачая жизнь утомляла бесконечно, разум тщился хотя бы отчасти компенсировать острый дефицит физических нагрузок. Огрызания в ответ на бабушкино занудство становились все изощреннее. Наконец она не выдержала, подошла и вдруг, вцепившись обеими руками в мою рубашку, начала трясти, издавая жуткие вопли:

– Ты будешь меня слушать?! А-а?! Говори!!! Будешь?! А-а-а-а?!!

Наверное, на моем лице отобразился ужас величины неимоверной. Бабушка слегка приостановилась, но тут же решила воспользоваться ситуацией полностью. Она отцепилась от рубашки, воздела руки кверху и... завывала, завизжала, заскрежетала что есть мочи мне в лицо своей рожей, перекошенной от сатанинского сладострастия:

– УА-А-А-А-А!! ИИИА-А-А-А-А-А-А-А!!!! БЫИ-ЙА-А-А-А!!...

...Я не умер... даже не начал заикаться... таким образом хорошо проверять ресурсы мозга... способен ли ты запомнить какие-то вещи на всю жизнь...

Я до сих пор помню дьявольский лик, который – пусть всего на мгновения – извратил лицо моей бабушки. Так выглядят изгоняемые бесы, хотя бабуку, вместе с ее бесами, никто не изгнал до сих пор.

Я сдался, конечно. В тот раз – вообще капитулировал. Лежал себе тихий, послушный. Внимал тому, что мне говорят, не перебивая. И постепенно убеждался в неизбежности реванша. Я понимаю, насколько он необходим – роковой ли случайностью, человеческим ли умыслом... От этой мысли болезнь отступает.

Я чувствую, как встаю с постели и, пошатываясь, беззвучно иду на кухню. В одном из ящиков кухонного стола лежит тупой топор, которым у нас по праздникам иногда пытаются разделывать говядину.

Бабушка, безумолчно ворча, сидит ко мне спиной. Она перебирает гречку, выуживая из россыпей крупы черные ядрышки, зернышки овса и разный мусор.

Полминуты уходит на раздумья: каким концом бить. Для чистоты эксперимента надо бы тупым. Но у бабушки на затылке плотный пучок, свитый из длинных волос. Бить придется очень сильно, а я слишком слаб от болезни... Кроме того, мне очень... очень интересно знать, что может таиться в голове такого человека, как моя бабушка.

– Ишь, суки поганые, ребенка научили, – гундит бабушка, – ты подумай! Я за ним всю жизнь ходила, кормила его, носила, пеленки его стирала...

Обхватив топориче покрепче двумя руками, я заношу тусклое мрачное лезвие.

– Эти проститутки (прости, Господи) горя не знают, шляются только себе, а я с их ребенком сиди. Корми его, пои. Ничего, один раз пропесочила, в следующий ра...

Удар получился смазанным, хотя довольно сильным. Лицом существо ткнулось в гречку, и сотни крупинок полились на пол, запрыгали по линолеуму; грузное тело опрокинулось с табурета. От падения череп ее треснул по линии, намеченной лезвием топора.

«Бардак... – подумалось мне, – какой бардак!»

При помощи топора я расширил трещину на голове старухи и заглянул внутрь. Мои худшие опасения подтвердились: в ее голове не было ничего, кроме нескольких тараканов. К тому же дохлых.

Я возился с ней почти полтора часа, подозревая, что умру следом, от усталости. В мусоропровод многое не пролезло. Пришлось достать из кладовки старый мешок из-под картофеля, сложить остальное в него и снести вниз, на улицу. Там, у двери мусорки, жильцы дома оставляли крупногабаритную рухлядь.

Вечером я – может быть, впервые в жизни – ополоснулся в душе с явным физическим наслаждением. Сидел потом,

смотрел по телевизору «Спокойной ночи, малыши» и думал: «На все воля Божья». Точнее, не думал – в те годы я еще не знал о Боге, – я это предощущал.

Касание пола и сигареты

...Точнее, папиросы. Сермяжный беломор.

Я не был первым. Макс, кажется, тоже. Но меня он опередил.

– Спорим, закашляешься?! – говорил Макс, протягивая мне дымящуюся «гильзу» с табаком.

Ранняя зима. Крайний подъезд крайнего высотного дома. Излюбленное место прогулок для человека мужского пола девяти лет от роду.

– Закашляешься. Спорим?!

Макс не знал, что впервые я закашлялся беломором трех лет от роду, а сейчас я школьник младших классов. Сейчас это мой второй беломор. Времени между двумя «гильзами» прошло достаточно. Я сто раз видел по телевизору, как делают затяжку. Да и в жизни видел. Сперва втягиваешь дым в рот, потом достаточно резко – в легкие и спокойно выпускаешь. Главное, в середине процесса не подумать что-нибудь вроде «Да как же это?! Да что ж это такое! Да ведь...». Иначе дым остановится на полдороге, и горло взорвет приступ удушья.

– Давай, – сказал я, протягивая руку. Кажется, меня больше нервировала необходимость засунуть в рот то, что побывало во рту у Макса.

Набираешь дым, потом достаточно резко пропихиваешь

внутри и спокойно выпускаешь.

– Еще? – осведомился я с подчеркнутым безразличием.

– Д-докуривай... .

Изумление в глазах Макса граничило с восторгом. Диаметры его мизинца и запястья моей руки совпадали. Громадина Макс стал очевидцем того, как формально равная ему особь, размерами смахивающая на зародыш, легко усвоила атрибут жизни настоящих мужчин. Макс всерьез считал себя настоящим мужчиной, хотя до полового созревания всем нам оставались еще годы.

Ясно различимый зов ниже пояса я ощутил задолго до самого первого школьного сентября. Катализатором послужило ослепительное декольте, увиденное в каком-то телефильме. Реакция вышла бурной и крайне неудобной, учитывая неприиспособленность детских штанишек к столь осязаемой обузе.

Хорошо помню свою первую порнографическо-фотографическую карточку. На тему лесбийской «любви», кстати. Одна полностью обнаженная дама лежала навзничь, причинным местом в сторону объектива, а другая полностью обнаженная дама, с ничего не выражающим лицом, занесла руку, будто собиралась поискать у подруги вшей на лобке. Теплые мгновения... Качество снимка было очень, очень хорошим. Поэтому, когда его нашли на моем столе, вопрос «А ЭТО ЧТО?!» оказался нестерпимо риторическим. Легко дрожащими руками я взял фотографию (чужую! данную посмот-

реть всего на день!), разорвал и спустил в унитаз. О необходимости дышать вспомнил только минуты через три.

«А это что»... А это, господа дорогие, всего лишь начало!

Обмен социокультурными ценностями среди молодежи склонен к экспансии. В десятилетнем возрасте я уже являлся полноправным владельцем нескольких порноснимков и презерватива. Феноменальное изделие Баковского завода резиновых изделий. Подозреваю, что между тогдашними жевательными резинками и контрацептуальными разница отсутствовала.

У взрослых проблемы и обиход, связанные с телесным низом, вызывали эмоции самые разнообразные – от страха до стыда. Все это полагалось заталкивать под спуд умышленного забвения. Презервативы, продаваемые исключительно в аптеках, приобретать зачастую стеснялись. Ведь таким образом пришлось бы публично расписаться в ведении половой жизни, не регламентированной нуждой в детях.

Дети не стеснялись ничего. Ходили слухи об умельцах, способных налить в *гондон* ведро воды, после чего бросавших его с большой высоты на голову асексуальных взрослых. Я не мог позволить себе такой роскоши. Хотя и по назначению использовать реликвию не мог. «У тебя еще не выросло» – констатация факта, совершенная, когда меня «застукали» в момент очередного рассматривания маленького белого конвертика, могла бы с веским основанием относиться к процессу, но не к органу, который свойственно использо-

вать в ходе процесса. От уточнений я, понятное дело, воздержался.

Облик чужой физиологии, та же фотопорнография, странный смех, обязательно сопровождающий любые упоминания о запретном, несуществующие слова, ходившие сплошь и рядом, – все это складывалось в некую интеллигентную (привожу эпитет только из-за его звучания) сферу, обнимающую наше все самое-самое первичное, подобное нервной системе, формируемой у плода на ранней стадии развития.

Вот первый анекдот, услышанный мной в жизни. Заяц идет по лесу и последовательно находит морковки с надписями. Сначала с такой: «Кто меня съест, тот будет всегда петь». Заяц съедает. На второй: «Кто меня съест, будет всегда икать». Тоже съедает. На третьей предупреждение: «Будешь всегда пукать». На четвертой: «Будешь семью вспоминать». Он все это съедает, доходит до полянки, и тут начинается: «Ик! Пук! Тра-ля-ля! Вот моя семья!»

У нас, малышни, данная, как сказали бы психологи, сюжетно-обсценная проекция с обширно выраженной анальной конвертацией имела бешеный успех.

Представление о том, зачем необходима разница полов, тоже имелось. Мой близкий друг принес эту весть в качестве Откровения – крайне схематично изложенного, но вполне верного по декларируемой технологии. Он рассказал, ЧТО именно и КУДА именно нужно засунуть для продолжения

рода. Информация сливалась в полголоса, сбивчиво, с естественной для такого повода одышкой. Венчал Откровение грандиозный вывод: «Во сколько большие ребята знают!!»

Тактильные контакты исключались по определению. Знаки любви в виде ударов по голове вождя объекта монолитным портфелем существовали, похоже, только в кино. Моя личная тактильность проявлялась много раньше переезда в Город. Наличествовало кромешное детство; двор, заселенный старшими девочками – каждый раз одними и теми же; я – постоянно безумный. Мы частенько сидели *рядышком* в углу двора, на ветхом облезлом теннисном столе. Девочки лузгали семечки, подскорлупные чешуйки семечек усеивали их юбки, я же исполнял незнамо кем вмененную обязанность эти юбки отряхивать.

О, небеса!

Советские линиялые девочки без перьев. Рядышком на столе. Ножки болтаются. Мертворожденный лепет. Буксующее умиление. Семечные чешуйки летят. Младенец без нимба их стряхивает. Рядом улыбаются бабушки. Лето. Детство. Раннее – очень – детство. Бабушки-чешуйки. Внеполовая идилия. Вас, случайно, не тошнит?

А есть еще более раннее. Словно бы через неделю после изгнания из Эдема. Мы ходили в гости к крохотной прелестнице с длинными белокурыми волосами. То есть не прямо к ней, конечно, а... Ну, то есть... Она, кажется, ждала всегда и, не стесняясь, брала меня за руку. Как небесная жена небес-

ного мужа. Прямо и откровенно брала, после чего мы шли в ее комнату. Там садились на диван. Она принималась гребнем аккуратно, нежно расчесывать мои волосы. Как небесная жена небесного мужа... Я сидел безропотно. Бог знает, что происходило тогда на самом деле... Ведь это Он... Он все выдумал и попустил.

* * *

Каждый порядочный продовольственный магазин в то время вывешивал для всеобщего обозрения план-схему раздела говяжьей или свиной туши. Своего рода аналог констатации «не попробую, так посмотрю». Ныне повсеместно разбросанные по прилавкам сочно-красные куски плоти не нуждаются в структурировании. На ценниках и так написано: рулька это или не рулька. Необходимость в рассуждениях и бесплодном сравнительном анализе отпала. Видимо, рассуждать легче о том, что по какой-либо принципиальной причине сейчас малодостижимо – будь то коммунизм, мясо или девичья задница.

Среди приличных людей младшего школьного возраста шли оживленные дискуссии на тему – что *главнее*. Причем буквально в такой постановке вопроса: что *главнее* – низ или верх. За неимением возможности убедиться воочию ограничивались доступными частями тела. Смотрели, например, на ноги, которые благодаря усиливающейся минимизации

юбок с годами становились все более открытыми для голодных глаз. Лидирующее половое развитие девочек позволяло им отвечать взглядами не просто широкосочувствующими, но и напрямую оценивающими. Девочки опережали события – порой значительно. Любой роман становился достоянием пересудов. Когда разница в возрасте, измеряемая одним годом, кажется разницей поколений, влюбленная пара, где ей двенадцать, а ему пятнадцать, производит фурор автоматически. Такие пары были. Они порождали самые грандиозные слухи, толкования и предположения. Хотя, надо сказать, в летописи городских происшествий мог оказаться лишь один случай стопроцентной материализации всеобщих половых чаяний. Девятиклассница (не из последних, кстати, по успеваемости) взяла в рот на дискотеке. Ее революционный порыв, опередивший свое время как минимум на полтора десятилетия, шокировал местность от края и до края. Однако из Города возмутительница спокойствия не бежала, живет в нем до сих пор, а хулители ее, пользуясь тем, что читающих мысли среди нас нет, быстро исчерпали прокурорский энтузиазм и успокоились.

Кто бы мог объяснить тогда – что есть нормальная влюбленность, подлинная любовь, грамотное половое сношение?! Да и кто бы понял?!

О сношениях вообще только говорили. Любовь могли показать символически – написать чернилами через крупный трафарет «ЛИКА», «ПЕТЯ» и ходить так по улицам. «ЛИ-

КА» – на левой брочине, «ПЕТЯ» – на правой. Влюбленность же понимали следующим образом. Если окружающие *знают* о том, как вы прогуливаетесь иногда, взявшись за руки, – *то*, значит, влюбленность. Если еще не открылось, как вечерами вы сидите по подъездам, принимая собственное мычание за оживленный разговор, – и *то*, значит, влюбленность.

Робкое бормотание разума заглушалось голосом плоти. Всезнание, как научную дисциплину, постигали иногда откровенно шарлатанскими методами. Доходило до свально-го онанизма. Хотя наиболее ответственные моменты предпочитали переживать, конечно, в одиночестве. Каждый накладывал на себя руки, ведомый личной интуицией. Пожалуй, лишь результат – первый результат! – у многих схож по ощущениям.

Никаких тогда еще отработанных жестов и стонов, изгибов и выверенной работы определенных мышц. Нет! Нет! Только ошеломление! Одна только кульминация физиологии! Редчайший случай успешного следования заповеди «познай самое себя»!

Сперва готовность к неудаче (сколько их было!). Потом нечто странное – жар по жилам, горячие волны краской бьют в щеки. Уже не ты толкаешь природу – она движет твоей рукой. Движет правильно, все быстрее и быстрее. Ощущения нарастают. Момент приближается. Мыслей нет. Одни только нервные окончания. Все, что закладывалось еще до рож-

дения. Весь смысл. Все прежде дремавшее. Складывается в единый таран. Он готов пробиться. Ни малейшего шанса для сомнений. О!.. Неужели оно?! Так ведь... О! Вот как!! О-о-о!.. Слишком остро. Руке невозможно продолжать... Все заканчивается само по себе... слишком ударно... неужели так всегда?.. сильно... слишком много... мокро... жжется... освободился... о-охх!..

* * *

Здравствуйте! Мы говорим о запретном. И неизбежном. Именно как неизбежное зло... скорее, нелепость... Да. Нелепость.

Именно как неизбежную нелепость, я воспринимаю мальчиков, наверняка не успевших еще пережить первый оргазм, но *утомившихся* уже курить сигареты – одну за другой. Мы тоже уставали курить. Порой я возвращался с коловращением в кишках от количества потребленного за один раз никотина. Другое дело, что в молодости действительно не знаешь, да и не хочешь знать, а в возрасте более авторитетном не можешь объяснить. Слушать не станут. Остается уныло наблюдать за следующими поколениями, быть свидетелями того же самого дерьма, которого когда-то вволю нахлебался лично. Приходится с горечью убеждаться в том, что каждому возрасту – свое дерьмо. А бывают еще такие какашки, без которых и возраст – не возраст. Попробуйте объяснить это

родителям. Легче доказать детям бесполезность взросления посредством табака.

Удивляет другое. Нынешние дети настолько же модернизированы, насколько апатичны современные мне взрослые. Кажется, сегодня можно курить на людях в любом возрасте, а докуривать – прямо у подъезда собственного дома. После чего совершенно спокойно заходить в квартиру и вопить насквозь воняющей пастью, как и мы когда-то вопили:

– Ма-а! А пожрать есть че?!

Мы, прежде чем исторгнуть подобный вопль, часами бродили в окрестных лесах, жуя молодые еловые лапы. Тщательно соотносили объем выкуренного с количеством съеденного. То и дело дышали друг другу в нос:

– Пахнет?

– Пахнет.

– Черт... – досада была неподдельной, – сильно?

– Не-е... не очень.

– Ладно.

В ход шла очередная порция елок.

– А сейчас?

– Сейчас не пахнет.

– Точно?

– Ну... пока до дома дойдешь, вообще не будет.

– Клево.

Я бы назвал это уважительным отношением к процессу. Когда процесс отвечал взаимностью.

А нынче курево другое. Вонючее. Авторитета марок не чувствуется. Можно ли воскресить прежний восторг, сопровождавший сбор различных «бычков», ценность которых обуславливалась единственным атрибутом – длиной. А целые сигареты – так это вообще! Как-то мы с другом за раз выкурили целую пачку *целых*. Дело было на окраине вавилов, в яблоневоm саду(!). Сейчас там вздымаются паскудные многоэтажки.

Надо сказать, что рассматриваемая нами тема подвергалась всевозможному табуированию со стороны как отдельных лиц, так и стереотипов, принятых в обществе. Вот забавный случай из детства.

Очередная пьянка-гулянка у взрослых. Дети – с извечным любопытством и относительной невменяемостью – тут же. Над столом висит амбреобразный коктейль, состоящий из спиртного перегара, одеколона, духов, сигаретного дыма и свежего пота. Все – советское! Устав следить за призрачной смысловой нитью в разговоре присутствующих, под взрыв нелепого, грохочущего ржания (идет чей-то самодеятельный конференс) выхожу на кухню и застаю одну из участниц шабаша – даму лет сорока, преподавательской внешности, типа всю из себя знатную – с зажженной сигаретой. Разночтения исключены настолько, что дама подпрыгивает, судорожно прячет руку с сигаретой за спиной и от переизбытка чувств почти полностью утрачивает накопленный хмель. Кажется, она даже покраснела.

– А что вы тут делаете? – глумительно вопрошаю я, изгибая стан с особым, свойственным детскому возрасту кокетством.

– Пош... – вроде бы начала дама, но тут смачная дымовая струя вытянулась прямо перед ее носом. – КУ! РЮ! – взвизгнула она и, вращая слезящимися глазами, добавила: – Да! А подглядывать нехорошо!

Все *бивисы* и *батт-хэды* мира могли бы позавидовать улыбке, которая неудержимо овладевала моим лицом в тот момент.

Я это к чему все рассказываю. В прежнем обществе могли курить сугубо и преимущественно мужчины. Женщина с сигаретой, ребенок с папиросой, смешение полов – ничего такого в Советском Союзе не существовало. В общепринятом понимании. А в частном – случались даже перверсии.

Для нескольких моих друзей выпускной вечер сохранился в памяти не за счет особой атмосферы или поэзии расставания с привычным жизненным укладом, даже не за счет количества выпитого или криков, якобы помогающих солнцу вовремя подняться. Первое, что вспоминается избранным случайным свидетелям, – это две одноклассницы, которые начали вдруг (правда, на достаточно целомудренном отдалении от праздничной толпы) целоваться взасос. Причем так умело и самозабвенно, что темный подспудный осадок юнго-фрейдизма, хранимый всяким нашим современником, немедленно пришел у очевидцев в движение, закрутился в невидан-

ный смерч. Ключья его нет-нет да и проплывают до сих пор внутри повествующих о том замечательном вечере.

В конце концов, мы стремимся веселиться! Иногда, ради веселья, устраиваются целые революции. Разговоры о целях, смысле и всепожирающим гуманизме начинаются потом. А сперва нами движет тандем из стечения обстоятельств и личной подсознательной тяги к радостному абсурду. Можно прибегнуть к психологии, а можно – к астрологии: объяснений не найти. По крайней мере, очевидных объяснений.

Кто вот сможет объяснить мне, почему мы в третьем классе тотально пристрастились к курению? Кто опять же сможет логически обосновать факт полного отказа от курения, после того как всю нашу шайку-лейку успешно застукали и «сдали властям»?

Когда слухи о страшном ЧП, о феномене отдельно взятого, ничем не примечательного, но какого-то всего насквозь порочного класса набрали силу, было забавно наблюдать за преподавателями. Они старались держать себя естественно. Очень старались. И почти всегда у них получалось. Откровенный разговор о веревке в доме повешенного состоялся лишь однажды. Не выдержала молоденькая учительница пения (век буду помнить ее роскошные платиновые волосы и холеные кисти рук с многочисленными перстнями).

– Ребята, – к концу своего урока произнесла вдруг учительница пения несколько охрипшим голосом. Видимо, терпеть сил не оставалось. – Ребята... я слышала... вы... Это

правда?

Все поняли все и сразу. Движения в классе прекратились.

– Мне сказали, что... Я слышала, вы... КУРИТЕ?!?!?!?

(Именно в такой последовательности шли знаки восклицания и вопроса после констатации.)

Отступить ей было некуда. Да и не хотелось.

– Пожалуйста... встаньте те, у кого... у вас... с кем вы...

курите.

Напомню: мы говорим о времени, когда учителя в школах еще служили авторитетами для учеников. Такие понятия, как «встань», «дай дневник», «выйди из класса», «завтра – с родителями», даже не обсуждались.

Итак, приглашение состоялось. Класс – практически весь! – начал вставать. Фигуры учеников поднимались над партами со скоростью грибов, растущих после летнего дождя. По мере увеличения числа тех, кто вынужденно отработывал явку с повинной, лицо «певички» деформировалось. Как должное, она восприняла двоечников с галерки. Тяжелее дались обитатели из середины класса – особенно девочки. Апофеоз же находился на расстоянии вытянутой руки. Первую парту занимал я – один из лучших учеников в школе, абсолютный отличник класса.

Выше я, кажется, обмолвился, что никогда не забуду ее волосы, пальцы и перстни. Лицо ее, после того как мне пришлось оторвать свою задницу от стула, я тоже никогда не забуду.

– И ТЫ?!?!?!?! – завибрировала она.

Позабыв о манерах и вообще о приличии, учительница пения тянула ко мне указательный палец.

Рефлекс сработал. Я психически улыбнулся ей в ответ.

Школа

Разные люди, разные школы: разные отношения одних к другим. Можно, хоть и редко, встретить человека, с трепетным придыханием относящегося к временам сидения за партой. Разумеется, можно. Но бывают и другие крайности. Как выразился по этому поводу один мой знакомый: «Один только выход у нормальных ребят – взять автомат и убивать всех подряд».

Большого количества крайностей у себя я не помню, хотя они есть, конечно. Речь о них впереди. А первое сентября (самое первое – когда «кто-то плачет, а кто-то молчит, а кто-то так рад, кто-то так рад») состоялось не в том Городе, о котором мы говорим сейчас. Поэтому перейдем сразу к школе номер два, хотя на самом деле ее номер был три. Не важно. Единственная разница между учебными заведениями заключалась в возрасте. Первое – гораздо старше. В его классах стояли парты с откидывающейся крышкой, поэтому из-за парты удавалось вставать, не выходя в проход между рядами. Вторая школа в моей жизни (та самая, под номером три), более модерновая, требовала хотя бы каких-нибудь начатков логического мышления – то есть ровно того, чем я не обладал. В момент презентации классу нового ученика тому следовало подняться, явив себя на всеобщее оценивание. По привычке рванувшись вверх и пытаясь откинуть вперед

ближнюю к себе часть крышки стола, я оказался зажеванным мебелью. Презентация вышла довольно жалкой. Хохота, впрочем, не последовало.

Незнамо кем сформулированное кредо «посадить дерево, построить дом, вырастить сына» уважалось в обществе, избавившемся от библейских заповедей. Учитывая неполозрелый возраст, плодиться и размножаться нам еще не удавалось. Возведение собственных домов являлось процессом еще более фантастическим, триумф плановой экономики исключал личную инициативу в целом ряде случаев. Оставалось сажать деревья. Наивно думать, будто вооружив детские ладошки взрослой лопатой, можно получить яму надлежащих размеров, а ведь после того еще следовало воткнуть в нее двухметровый саженец и залить несколькими ведрами воды. Естественно, каждый родитель стремился избавить свое чадо от несусветных трудов затрат. Мы лишь апатично наблюдали за тем, как «сажаем» деревья. Сейчас эти деревья неопровержимо показывают мне – сколько лет прошло с тех пор, насколько я стар и до какой степени все необратимо. Иногда я безучастно прохожу мимо липовой аллеи, к созданию которой имею косвенное отношение. Деревья тянутся вверх, я – до известной степени – вниз, и лишь апатия да уныние остаются неизменными.

Прививание трудовых навыков несло в себе обязательный творческий элемент, дабы дети не капризничали. Каждая «прививка» наглядно демонстрировала, сколь велико рас-

стояние между мной и моими сверстниками. Как-то нам поручили ответственную миссию – изготовить дома чашечку из папье-маше. Азы процесса преподали на уроке: обычная чашечка смазывается жиром, газетка рвется на клочочки, каковые затем лепятся на чашечку посредством свеже сваренного клейстера. Нет нужды объяснять, с каким рвением я приступил к делу. На чашечку ушел таз клейстера и годовая подшивка газеты «Труд». Такой чашечкой без особых усилий удалось бы завалить кабана. Вдобавок я выкрасил ее в тяжело-коричневое. Короче, на следующий день изделию сопутствовал громкий, хотя и сомнительный успех.

Со временем сложность экспериментов над детьми увеличивалась. В классе третьем мы целых полгода усердно вели «Дневник Наблюдений За Природой». Что касается меня, то все это время я прилежно *думал*, что непременно *буду* его вести. Так продолжалось вплоть до контрольной сдачи результатов. Перед лицом ужаса от возможного разоблачения совершался подвиг. Сидя в самом конце апреля перед открытым окном, овеваемый традиционно терпким, как водится, пьянящим ароматом весны, я выводил столбцы цифр, неопровержимо свидетельствующих о том, какое количество снега выпало 12 января и какой толщины лед покрывал местную речку 4 февраля. Самое же интересное началось потом. В начальной школе моя успеваемость была исключительной. Высший балл буквально по всем предметам, сопровождаемый оценкой «ОТЛ» за примерное поведение, делал меня

культовой фигурой в глазах учителей и объектом, подлежащим немедленному уничтожению, в глазах одноклассников. Можете себе представить эффект, когда наш классный руководитель взял мой Дневник Наблюдений и стал зачитывать вслух результаты о давлении, влажности, температуре, направлении ветра и прочем – начиная с Нового года и до самой весны – результаты, сотворенные накануне, за один день?! Зачитывать, чтобы остальные сверили их со своими результатами, поскольку сомнений в том, кто из нас прав, не допускалось в принципе?! При озвучивании первых же цифр лица бедных мальчиков и девочек (а подавляющее большинство из них, я уверен, действительно месяцами носились по морозу с термометрами и долбились об лед, в надежде измерить его толщину) принимали вертикально-эллипсоидную форму. Никто даже не пикнул! Все было исправлено! Sharmant!!!

Вспоминаются и другие занятия на свежем воздухе. Нас, всю жизнь проведших среди леса, водили смотреть лес. Осенью мы собирали листья, вслед за учителем стараясь удивляться так, словно видим их впервые. Взойдя на вершину холма нестройным, насквозь фальшивым отрядом-толпой, мы выслушивали, например, такое:

– Это холм, ребята. Посмотрите, это холм. Знаете, что это такое? Холм, это я вам сейчас объясню. Вот, видите, где мы были? Там низко. Потом мы поднялись сюда, и что мы видим? На не-ко-то-ром рас-сто-я-ни-и... земля поднимается!

Видите, насколько? Это называется холм... Ну а теперь пойдёмте дальше.

Вообще, трудность, связанная с качеством преподавания, научения в самом широком смысле – трудность извечная. Прогресс может проявляться где угодно, только не здесь. Скорее, возможны отдельные удачи, в любом отрезке исторического времени и на каждом участке географического пространства. Говорить же о какой-то преемственности, скапливании воспитательской традиции нельзя. Допустим, в наши дни родитель, заботящийся о полноте развития собственного дитя, выдвигает такую программу: идем в Третьяковскую галерею, а на обратном пути заходим в «Макдоналдс». Что получается? Сначала ребенок, весь в мыслях о бигмаке и картошке фри, понуро влечется из одного художественного зала в другой, после чего, оказавшись наконец в закусочной, жрет вожделенные продукты с выпученными глазами. Папа с мамой при этом блаженствуют: таки приобрели чадо к прекрасному.

Согласен, между «Явлением Христа народу» и замучиванием насмерть дворовой кошки – пропасть. Другое дело, что «Явлением» кормят насильно и оно почти не переваривается, а истязание братьев наших меньших, эксперименты со спичками, подворовывание денег и прочие ужасы (в кавычках, равно как и без них) – явления, имманентные определенному возрасту. Крайности по отношению к подобным вещам, типа полного игнорирования или ожесточенной с ними

борьбы, чреватые результатами с точки зрения клинического обществоведения впечатляющими. Ментальное содержимое детей чаще всего остается тайной за семью печатями. Опять же, первый пример, который приходит в голову, беру из личного опыта.

Обязанности дежурного по классу состоят из нескольких актов казарменного формализма. В частности, дежурный должен проветрить помещение, подравнять парты, собрать валяющиеся под ними бумажки, проверить – мокрая ли тряпка для стирания с доски и так далее. Все перечисленное возможно при условии, что остальные учащиеся проведут время перемены вне класса. То есть дежурный плюс ко всему прочему должен еще и выставить остальных за дверь. Когда настало мое дежурство, я столкнулся с несколькими уе... или, ладно, скажем так, «несознательными учащимися». Почти все они имели уважительные причины на то, чтобы задержаться в классе, и от них в конце концов удалось избавиться. Но один из них оказался особенно тяжелым, так сказать, в общении. Пришлось перевести общение в область дипломатии, стремящейся к нулю. По сути, вышла драка. Вопрос только не в том – ЧТО произошло. Вопрос в том – КАК это происходило. Мой соперник, видимо, хотел покуражиться, интуитивно чувствуя: где ум большой – там силы нет. Он пренебрег роковым для себя нюансом. При всем уме, таланте и начитанности я был серьезно недовоспитанным ребенком. Мальчиком с полностью отсутствующим

уличным образованием, тотально рафинированным, *былинным*. Образно выражаясь, являлся «мыслящим тростником» или форменно диким – суть одно и то же.

Как вы думаете? Подобного рода мальчик... Как бы он вот... э-э... ну, допустим. Что бы он стал делать? Стал бы он пинаться?.. Или повалил бы врага на пол? Или внутренний аристократизм сподвиг бы его на серию пощечин? Может, он сам бы убежал из класса – весь в слезах и соплях? Не знаете?..

Я тоже не знал. То, что я сделал, – есть акт исключительно зоологический. Акт вне разума и за пределами относительности. Как у зверей, которые о смерти не ведают, но все равно умирают.

Утопая в слепой ярости, я безмолвно ухватился двумя руками за щеки противника и что есть силы начал отрывать их!! Продолжалось это примерно минуту – то есть сравнительно вечность. Привлеченные душераздирающими воплями, в класс залетели ученики и учителя. Кошмар! Нас разняли. Визги! Разлетающиеся пуговицы. Моя прическа испорчена. Физиономия врага на глазах покрывается чернеющими пятнами. Что произошло?! Признавайтесь! Драка?!!

Придурки! Какая драка?! Просто на минутку вернулась эра мезозоя. Чего не случается в детстве...

Чаще всего в детстве случаются издевательства. Скажем, игрушки разламывают, желая увидеть внутренности. С живыми существами – сложнее и тоньше. Тут осуществляются

своеобразные подступы к взрослым порокам, к неосязаемому вожделению. Повыкручивать руки, посворачивать шею, послушать пицание, отнять чего-нибудь. Потом вроде отдать, но лишь для того, чтобы снова отнять, послушать пицание. И все – в таком полубессознательном чувстве, влечении каком-то. Пока кто-нибудь из проходящих мимо вдруг не пройдет мимо, да не остановится, да и не гаркнет заправским судьей (чаще всего баба страшная, с хозяйственной сумкой):

– Нет, вы это что такое делаете, я говорю!!! А?!! Я кому сказала?!! Вот я сейчас родителям твоим!.. Зачем вы его мучаете?! Что «просто так»?! Что «просто так»?! А если я вот сейчас возьму тебя просто так, да помучаю?! А?.. Что «не надо»?! «Не надо»... Нет, надо!!

И глядишь, глядишь – весь пыл мучителей куда-то испарился. И жертва сразу оклемалась. И снова друзья. И снова мучают друг друга... годами...

Что говорить, окружение удручало физической силой, затмевающей элементарные способности. Как много позже признал еще один мой знакомый (признал, правда, по другому поводу): «Со стороны-то мы все здоровые, но через военную медицину ни один бы не прошел». Я откровенно мучился, например выслушивая потуги одноклассников к чтению вслух. Нам, видите ли, устраивали практику чтения, когда задавался текст, и все читали его друг за другом по абзацам. Мы перешли из первого класса во второй, потом – в третий,

кажется, даже в четвертый, – и все читали друг за другом тексты по абзацам. Другими словами, шли годы, а один читал с одними и теми же затыками через слово. Другой произносил «что» и «чего» со всеми буквами, прямо по написанному: «Что», «ЧеГо». Всем было глубоко, педагогически насрать. Похоже, такие отклонения воспринимались ответственными лицами в качестве индивидуальных особенностей, а значит – виделись чем-то положительным, даже нуждающимся в развитии и поощрении. Все может быть! Да и в состоянии ли нормальный (в моей трактовке!) человек воспринимать печатное слово, если книга, которую он держит в руках, скверна по определению: от качества бумаги до внутреннего содержания.

О точных науках я вообще молчу. Но допустимо ли «проходить» «Войну и мир» пару недель в окружении недорослей, объективно ставящих поллюцию на первое место среди жизненно важных проблем? Абсурд! Я лично прочитал «Войну и мир» – полностью, по своей воле – в десятилетнем возрасте. Абсурд в квадрате! Но им впору гордиться. Тогда вообще все как-то легко давалось – деньги (карманные), знания. Потом начался скрип.

Когда схватываешь сразу, мозги не работают, с годами могут и атрофироваться. Нечто подобное – хорошо хоть, избирательным образом – приключилось со мной. Дисциплины, не требующие ничего, кроме нормально подвешенного языка, я тянул на должном уровне, зато к точным наукам про-

никся отвращением.

Здесь, в общем, необходим маленький экскурс назад. В начальном детстве я воспринимал фары автомобилей, решетку радиатора, капот – в общем, передний вид машины – как нечто законченное, художественно целое. Я видел... лица машин. Следовательно, каждая автомобильная марка, в зависимости от того, с каким выражением лица она ездила, имела свой, абсолютно индивидуальный характер. Я придавал человеческие черты куску железа, чему-то бездушному, холодному. То же самое – с учебниками. Будь то алгебра, физика, астрономия – один хрен! – для меня они различались едва уловимыми особенностями «характера», демонстрировали черты индивидуального лика. Например, темный алгебраический лес мало чем отличался от геометрического. Но сплошная цифирь в учебнике алгебры – это вам не катеты с гипотенузами. Не будете же вы утверждать равенство сангвиника и флегматика!

Потом, свою лепту вносили учителя. Может ли преподаватель, скучный, как жеваная бумага, интересно излагать предмет? Да еще предмет, где слова-то нормального не встретишь!

Химия... пепел на мою голову. Нет, когда ставили опыты – все было замечательно. Но потом начиналась валентность... В-а-л-е-н-т-н-о-с-т-ь! Добавьте к этому серую зимнюю бездну за окном, желтое пергаментное свечение люстр в классе, лютый ужас перед вызовом к доске и гибельную

тоску от предчувствия, что впереди у тебя годы, ГОДЫ – слепым ужасом в душе, желтым свечением над головой и валентностью.

Из сонмища учений, которые тотально противоположны жизни обычного школьника, хочу выделить физику. И тоже благодаря в основном преподавателю. Яркий человек! Эстет, *физически* крепок, любитель крутого кипятка безо всего. На одном из наших уроков получил триста восемьдесят вольт в руку. Выжил. Какое-то время ходил зимой в солнечных зеркальных очках. «Напился, подрался» (версия коллег). «Девушку защищал» (моя версия).

Еще запомнился математик. «Молодой, холостой, незарегистрированный», с красным дипломом «педулица», с губительно плохой дикцией. Сперва на протяжении сорока минут он объяснял тему и только потом спрашивал – поняли кто-нибудь что-нибудь? Его берегли от разочарований в профессии, но – только от них. Примерно раз пять за урок шум в классе становился критическим. Математик начинал орать пунцовым лицом, вколачивая указку в стол. Один раз, случайно повстречав его на улице, я с удивлением обнаружил, что имею дело с очень красивым, прогрессивным, модно одетым, во всех смыслах интересным человеком. Возможно, еще и потому, что, идя вместе с кем-то, математик совершенно раскованно, горячо, не по-школьному о чем-то говорил своему спутнику, говорил и воодушевленно жестикулировал. Они прошли мимо меня не заметив. Я уловил только

общий смысл.

– Понимаешь, меня не хватает... нас самих учили... как они себя ведут!.. но ведь должен же быть какой-то!.. нет, нет, я не выдержу...

Более того, позже, в какой-то другой день, я случайно заметил его на местной дискотеке, и вот там-то наши взгляды встретились. Представьте: он и в самом деле не выдержал, спешно ретировался! Согласно канону того времени, учитель – да еще математики! – не мог оказаться на дискотеке. Ученики увидят! А что скажет родительский комитет?!

Наконец, главная по затраченным нерворесурсам дисциплина – история. Отдельная песня. Воплощенный культ личности – маленький, настоящий. Личность нашей исторички вызывает (и похоже, всегда вызывала) отторжение у школьных работодателей. Возможно, методы ее работы подлежат внимательному анализу лучших специалистов всего мира, но в глазах методологов средней руки, а тем более находящихся в прямой видимости, подобные методы являлись источниками полноценной устойчивой отрыжки. Что уж говорить об еще более средних учениках бесконечно среднего, до умопомрачения *общеобразовательного* заведения!

Основной ее метод состоял из следующих «шагов». Помимо зубрежки соответствующих учебных параграфов, написания контрольных и самостоятельных работ, заданий на дом, факультативных занятий, чтения дополнительной литературы, вопросов и ответов, процесс включал в себя из-

готовление наглядных пособий, черчение диаграмм и схем, просмотр слайдов и диафильмов, прохождение семинаров, обустройство коллоквиумов, форумы, защиту самопальных «диссертаций», а также добровольное ваяние пластилиновых панно и живописание картин. Мы могли два урока кряду под диктовку, до судорог в правой руке записывать определения особенностей мелкой буржуазии на стадии раннего капитализма в Западной Европе, а потом, на другой паре уроков декламировать это наизусть. И только попробуй запинаться! Классовое чутье безошибочно подсказывало историчке – кто перед ней: обыкновенный тупой мальчик или сын директора продовольственного магазина, хоть и тоже тупой. Последний, как правило, не мог и мечтать о пощаде.

Обычно неравенство не каралось, но преследовалось. Помню, один из нас, появившись в третьем классе с только что подаренными наручными часами, удостоился восхищения друзей и злобной отповеди преподавателя. Ему, похоже, в детстве вместо часов приходилось довольствоваться картофельными очистками. Противно вспомнить...

Что оставалось? Оставалось компенсировать духовный урон мускульно. В младших классах мы элементарно носились на переменках. В одном из детских журналов я вычитал совершенно справедливую вещь: «Урок – это отдых между двумя переменками». А в моем школьном дневнике однажды зафиксировали вызов родителей, который заканчивался фразой: «Все время бегают, роняет мебель».

Боже, как мы носились! Эта легкость, брeющий полет... Ветер возводил ощущение невесомости в крайнюю степень. Возможно, тут вес всему причиной, вес насекомого. Однажды в летний день, перед дождем, дуло настолько сильно, что я умудрился лечь на поток. На самом деле! Еще чуть-чуть, и меня бы унесло.

Позже наше броуновское движение стало более социальным. Мы непрерывно мутузили друг друга, пинали, щипали, дергали. Всякий раз перед тем, как зайти на урок, приходилось почти ритуально отряхивать темно-синюю форму от следов пыли, которые припечатал тебе добрый твой приятель своими вьетнамскими кедами. Часто использовали подручный материал. Иной раз до крови рубились металлическими линейками. Здоровенный ластик «Архитектор» (в обиходе «Летающая смерть») со всей дури швыряли в общих любимцев. Затем, став еще постарше, пока девочки безотчетно томились, мальчики зачинали мышечную экспансию. Половые гормоны требовали качественно новых условий разрядки. Люди подтягивались, отжимались, не расставались с эспандерами, говорили только об очередных достижениях – кто, как, на чем, сколько подходов, – словно бы речь шла о половых сношениях.

Случались курьезы. Помню, один из нас повис на турнике вниз головой, о чем-то задумался, расслабил ноги и рухнул. Так и приземлился, в недоумении свернув голову набок. Но вроде обошлось.

О смене возрастных вех свидетельствовала и внешняя атрибутика – допустим, с чем мы приходили в школу. Мой первый ранец – именно ранец! – я очень хорошо помню. Толстые ляжки, фиолетовый цвет, большой сказочный мухомор, красные же бликующие замочки. Следом пришла эра сумок (реже – портфелей) с ремнем через плечо. Ужасающий заменитель кожи – синий, темно-коричневый, песочный, иногда вдруг красный. Какие-то машины, какие-то мотоциклы, «Ралли», «Автоспорт». Наконец, старшеклассники обзавелись дипломатами – особый шик, одинарный! Двойной, когда с правильной наклейкой на крышке. Идешь, придерживая крышку указательным пальчиком. Даже если замок с кодом имеется. Все равно – указательным пальчиком. Шик!

К слову сказать, тогда мы учились уже в другой школе – абсолютно новой и тоже по-своему *шикарной*. Последнее обстоятельство подтверждали мраморная отделка, поручни «под золото» в главном холле, законсервированная навечно обсерватория и плавательный бассейн, который еще не успели построить.

В классе шестом нас избавили наконец от мероприятий, возможных исключительно по отношению к гражданам, чье микроскопическое правосознание полностью исключает хотя бы видимость соблюдения человеческих прав. Это и конкурсы чтецов, и натужные сборы металлолома с макулатурой, «линейки» ребят-октябрят с мистически предвосхищаемым духом Оруэлла, а уж про смотры строя и песни вообще

лучше говорить отдельно и немедленно выпив.

Кто знает: тлетворное ли воздействие обыденной мерзости, а может – дух бунтующий, временно дремлющий, но спустя годы на стене школы, которую веские основания позволяют мне считать родной, я увидел слово, одно-единственное слово, подводящее черту подо всем вышесказанным на эту тему. Четыре буквы в человеческий рост, разукрашенные семицветием радуги. Грандиозное граффити, с непременно полагающейся в таких случаях орфографической ошибкой, выносящее тонкости за скобки, а какую-то особую истину – пусть и слишком обобщенную – выдвигающее на передний план: весома, грубо, зримо. Мне трудно согласиться с этим словом, но моя интуиция подсказывает – да... правда... может, не на твоей школе, а на школе вообще... на такой школе, которая была у нас всех, в свое время... Итог, подведенный с использованием языка нынешнего времени: F A C K.

Медиа масс

«ТРАГЕДИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. Несколько месяцев назад пять французских солдат до смерти избили в поезде двадцатисемилетнего алжирца и на полном ходу сбросили его труп под Тулузой. В густонаселенных районах Парижа и других промышленных центрах было убито семь иммигрантов, в том числе десятилетний мальчик».

«Свобода» на западный лад: что это такое? Для безработного обивать пороги биржи труда. Для бездомного – ночевать где ему вздумается. И уж конечно, для полицейской дубинки – вволю гулять по спинам и тех и других».

«УБИВАТЬ. Шестнадцатилетний подросток убил четырехлетнюю девочку. Объясняя мотивы преступления, тот заявил, что «просто хотел узнать, как чувствует себя убийца, расправляясь со своей жертвой».

«ДЕМОКРАТИЮ – ЗА ГОРЛО. «Обсервер» преисполнен благородным негодованием. На улице среди бела дня лондонские полицейские душат человека... Тут же приводятся высказывания медиков, предостерегающих, что такие эксцессы опасны для жизни. Свое мнение со знанием дела высказал и один из полицейских: опасно это или нет, зависит от того, как долго душить человека».

«По законам коммерческого кинематографа человека обязательно надо буквально изрешетить из ультрасовременного оружия, которым экипирована полиция, прежде чем он замертво упадет на асфальт».

«БАНДЫ ВООРУЖЁННЫХ ПОДРОСТКОВ ПРОДОЛЖАЮТ ГРАБИТЬ И УБИВАТЬ ОДИНОКИХ СТАРИКОВ В СЕНА-СЕН-ДЕНИ».

«Эти подростки, играющие в войну, вряд ли имеют представление об «эйджент орандж». Но их отец, участник вьетнамской агрессии, однажды попал в зону, отравленную дефолиантом. Этого оказалось достаточно, чтобы его дети родились умственно отсталыми, с деформированными руками».

«Нашим детям необходима способность к насилию, чтобы суметь проколоть штыком горло врагу, чтобы быть в состоянии распороть человека из пулемета».

« – Сколько ты получаешь, заморыш?»

– Сорок тысяч лир в месяц, синьор.

– Негусто. Если ты нам подойдешь – будешь получать в десять раз больше. А пока запомни: меня зовут «хозяин».

« – У мальчика пулей сломана кость руки и рваная огнестрельная рана правого плеча.

– Кто изувечил ребенка? – Не знаем...»

Приведенные выше отрывки (а здесь – малая их часть), вместе с фотографиями соответствующего содержания, когда-то были собраны мной меньше чем за месяц, посредством чтения всего лишь одной из центральных газет. Скуч-

нейшей газеты профсоюзов, на семьдесят процентов состоящей из пропаганды нашей жизни и на тридцать – из повествования об ужасах *ихней*.

За газеты я принялся давным-давно, уразумев, что «все так поступают». Само собой, подобные соображения не делали публикации интересными и понятными. Сперва меня хватало только на последнюю колонку, где размещались сплетни, происшествия, забавные случаи и тому подобное. По мере расширения кругозора круг чтения увеличивался.

Выражение «свежая газета» всегда имело для меня буквальный смысл – как порыв ветра перед бурей или мягкая булочка, щекочущая ароматом ноздри. Бывало, я по нескольку раз носился на первый этаж дома, заглянуть в почтовый ящик, – газеты приходили нам ближе к середине дня. Наконец, выудив аккуратно свернутый, пахнущий типографской краской *свежий* листок, я нес его домой, где, закрывшись в своей комнате, со всей торжественностью разворачивал и принимался изучать.

Помню особенно скучные выпуски, приходившие накануне главных идеологических праздников. В этих случаях первую полосу занимала шпаргалка-памятка для идейно обеспокоенных людей. Их взбадривали десятками «призывов Коммунистической партии Советского Союза», каковые на следующий день удавалось прочесть на транспарантах и щитах во время торжественных уличных шествий.

Помню, казавшиеся революционными, изменения в гра-

фическом дизайне, когда «к великой скорби всего прогрессивного человечества» умирал Главный Ньюсмейкер. Жирность пасмурных рамок и масштабность портрета усопшего завораживали. В такие «особо тяжелые для нашей Родины дни» газеты служили предвозвестием мощного шоу, приглашением в партер на постановку величественной трагедии, которую транслировали одновременно по всем трем с половиной телеканалам. С изумлением отмечал я полную отмену долгожданных мультиков, художественных фильмов, «радионянь», «выставок буратин».

ПОТОМУ ЧТО СТРАНА – В ТРАУРЕ!!!

Фанфары истошно воют. Время словно бы останавливается. Медленно плывут венки, за ними движется гроб, следом тянутся почерневшие, мокрые от слез физиономии «передовиков производства, тружеников села, деятелей науки и культуры». Еле-еле... еле-еле...

Именно такое визуальное решение использует современный Голливуд, если хочет акцентировать внимание зрителя на гибели Гада номер один. В час расплаты он рушится постепенно, выпрыскивая из себя сгустки плоти с кровью. Мы успеваем испытывать неподдельный восторг и упоение триумфом от смакования поверженностью врага. Он непременно должен грянуться с чувством, толком, расстановкой. Дух его, отлетая, напоминает салунную струйку табачного дыма, столь же неторопливо выпускаемую уважаемыми в обществе гражданами, изрядно откушавшими и позволившими себе

на десерт рюмочку коньяку с дорогой сигарой. Последний миг Гада номер один мучителен, глаза его полны ненависти, они тщатся передать нам то, что не в силах произнести коченеющие уста. И мы даже вроде начинаем понемногу тревожиться: «А ну как поднимется сейчас?.. Побольше надо было в него... пулек-то». Но – нет. Не поднимется, сволочь... Останется лежать... Гад!

Примерно такие – только слегка видоизмененные – эмоции испытывали граждане моей страны в скорбные дни неожиданного горя. «Все, больше уж не встанет. Речи не произнесет. Фамилии такой не услышим. Кто теперь будет? Холодно-то как. Страшно! Осиротели...»

Приходили следующие газеты, с ликом Нового Ньюсмейкера, масштабность портрета которого завораживала не меньше. Да только уважения к нему, любви там какой-никакой... нет, нет. Сомнение одно. Вопросы. Попытка вспомнить. «В аэропорту его провожали товарищи Воротников, Слюньков, Суслов, Гришин, Андропов...» Ну вот вам – Андропов. А почему не Слюньков? Или там Чебриков какой-нибудь? Почему Андропов? А хер его знает!..

Включали радио. Да не то, что будило нас государственным гимном, а другое, особое. Мне в силу возраста «вражеские голоса» помогали плохо, сказывалась слабая общественно-политическая подготовка. Вместо нее работала фантазия. Помню, стилистику дикторского текста то и дело нарушало хвастливое утверждение «а я – Толла Хомей-

ни!»), без всяких разъяснений. «Хосний Мубарэк» представлялся мне тяжело болевшим с детства, высохшим сусликом. «Сектор Газа» – плантацией включенных кухонных плит с незажженными конфорками (кстати, постоянные разговоры о взрывоопасной обстановке в данном секторе подтверждали правильность моих догадок).

Трепет, истинный трепет внушали чужие речи, чужие мысли, иноземные чудности, «глушилки» – подлые, вонючие, – начинающиеся всегда так нехотя, исподтишка. «Вжу-вжу-вжу, – секундная пауза (видимо, сглотнуть), и снова, – вжу-вжу-вжу-вжу». С каждой минутой все больше встречаю: «жву-жву-жву-жжввуужжж». Мысли докладчика, летящие с того конца света, уж путаются, не каждая фраза доходит полностью, а оно радо стараться: «брррввуЖЖзвувзуггrrrrRRд-бмвввуужжжж». Вот ведь падлы! А главное, что наибольшая крамола – новости в начале часа, всякие там «мубарэки» с «арафатами» – успевала пройти почти без помех. Гуманитарная же часть – Солженицын, солдат Чонкин, «джаз для вас» – безвозвратно тонула в тщательно выстраиваемой какофонии.

Считалось, что за внимание речам противника могли посадить. Не знаю... Тогда пришлось бы сажать через одного. И если б только радио! Я собственными глазами видел у приятеля диссидентские статьи в защиту академика Сахарова. Еще в одной семье бережно хранили Большую советскую энциклопедию синего цвета, так называемую сталинскую.

Нет, в любом случае Город наш если и нельзя принимать за оплот просвещенного либерализма, то, по крайней мере, прибежищем одного местного интеллигентства являлась. Достаточно вспомнить знаменитые «вечера любителей кино».

Разумеется, «важнейшее из искусств» любили не только у нас, а повсеместно. Но далеко не везде была возможность регулярно смотреть фильмы-лауреаты ведущих мировых фестивалей, с отставанием максимум месяца на два. Нам привозили так называемые *родные* копии – пленка Kodak! – приезжал переводчик, приезжал киновед со вступительной речью. Потрясающе! Большой экран! За много лет до падения железного занавеса! До тех пор, пока очередной шедевр под названием «Шкура животного», включающий сцены откровенного соития, не положил либерализму обывателей легко прогнозируемый предел. Поднялась вонь, ветераны застроили письма в КПСС-ВЦСПС. Но я точно помню, что даже самые ярые сексофобы смотрели картину прилежно до финала.

«Существовал порядок!» – часто повторяют отживающие свое.

Как вам сказать... в некотором роде да. Безусловно, какие-то моменты определенной упорядоченности, наличия регламента в интеллектуальной области имелись. Если, допустим, Новый год считать особым праздником, то и телепередачи могли быть особенными только раз в году – да к тому же еще ближе к пяти утра, чтобы служба медом не ка-

залась. А в остальное время, триста шестьдесят четыре дня кряду, пожалуйста – «Девятая студия», «Советский Союз глазами зарубежных гостей», «Ленинский университет миллионов». Строго в 21.30 – очередное кинопроизведение из собрания Госфильмофонда. Если какой журнальчик интересный вздумалось почитать – дождись, хоть и без всякой гарантии на успех, осенней подписной кампании. И так далее.

Раньше краеугольным идеологическим пунктиком служил вождизм – понятие столь же прозрачное теоретически, сколь почти невозможное на практике. Да и как иначе, если основополагающий вождь, приравниваемый к Богу, не тянул даже на падаль, а вождь действующий ничего, кроме зубокальства и глумления, не вызывал. Отсюда возникала особенная разница потенциалов, которая сталкивала иллюзорность с реальностью. Думали одно, говорили другое, делали третье.

Предположим, адаптация к мировому сообществу. Полностью игнорировать мир тяжело, железный занавес лишний раз подчеркивает наличие чего-то иного, требующего хотя бы пояснений. Пояснения давались с помощью *политинформаций*. Они в обязательном порядке проводились всюду, и в школах тоже. Представьте себе школьника лет десяти, ребенка с умственными способностями, ограниченными в равной мере возрастом и природой, который мглистым утром, перед основными уроками читает по бумажке с вечера заготовленный текст тяжело кумарным от недосыпа однокласс-

никам. Текст примерно такой:

– В международном плане отчетный период представляет время сложное и бурное. Оно отмечено, прежде всего, интенсивной борьбой двух направлений в мировой политике. С одной стороны, курс на обуздание гонки вооружений, укрепление мира и разрядки, на защиту суверенных прав и свободы народов. С другой стороны, курс на подрыв разрядки, взвинчивание гонки вооружений, политику угроз и вмешательства в чужие дела, подавление освободительной борьбы. Однако в пропаганде империалистического рупора сказывается дефицит последовательности и деловитости...

Проходит пять минут. Потом еще пять минут. Политинформация продолжается. Следует переход к историческим аспектам.

– Весенней очистительной грозой пронеслась Октябрьская социалистическая революция по необъятным просторам России. Она смела на своем пути все старое, отжившее. Государство приступило к социалистическому преобразованию хозяйства. Но контрреволюционные силы не могли смириться с окончательной потерей своих позиций...

Ступор аудитории обрамляет монотонную пафосность политинформатора.

– Международные и внутренние силы капитализма объединились для борьбы с первой в истории человечества Советской республикой.

Но Россия вдаль глядела – нет пути назад.
Ленинский горячий, цепкий, непреклонный взгляд.
И, с великой верой глядя Ленину в глаза,
Шел народ, седой, как море, темный, как гроза!

Раздается звонок, приглашающий приступить к первому уроку. Политинформация закончена. Все начинают заниматься математикой.

Пожалуй, самое идеологически грандиозное, разовое мероприятие за советское мирное время – «Олимпиада-80». Любой кухонный разговор о ней начинался так:

– А помнишь, тогда, перед Олимпиадой, всех проституток, бомжей – всех! всех! – за сто первый километр выселили? Кошмар!..

При этом любой гражданин продолжал уверенно осознавать, что в нашей стране нет проституток, нет бомжей. Безработных нет, наркоманов. Нет преступности. Ничего такого. Есть лишь отдельные *элементы*. Супротив организованного рабочего класса, крестьянства, верных ленинцев и нас, их надежных помощников, хорошими отметками помогающих старшим.

Вуаль железобетонных клише, пугающих штампов, лжежизненных лозунгов сопутствовала естественной жизни с неуклонностью времен года. Поначалу тебе дают октябрятский значок, через несколько лет вяжут пионерский галстук, еще через несколько лет вручают комсомольский билет, позже, когда заслужишь, – партийный. Но монолит идеологии

был эфемерным, бумажным. Все болталось. Сегодня одно, завтра – другое. До бутылки – черное, с похмелья – белое. Или наоборот. Сперва клянут шепотом, потом на собрании громко восторгаются. И ведь не докопаешься! Приступишь с ножом к горлу:

– Ты что ж, скотина этакая, двурушничаеть?!

А он ответит:

– Да мне... тут... вот... там... обещали...

Или он же ответит:

– Да ты... да как ты смеешь?! Провокатор!!! Держите его!! Наймит!! Позорит ячейку!!!

Вашего покорного слугу однажды съели с говном. А я всего лишь, присутствуя на общешкольном заседании в честь годовщины Энгельса с Марксом, от чудовищной скуки звякал металлическими рублями, пересыпая их из одной ладони в другую. Среди основных пунктов возмездия, как сейчас помню, значилось:

- 1) неуважение к классу (рабочему), классам (одноклассникам), классикам (Марксу-Энгельсу);
- 2) демонстрация превосходства (наличие рублей, а не копеек);
- 3) хвастовство, не достойное пионера (позвякивание), и
- 4) особый цинизм (продолжительное позвякивание).

Что уж говорить о таком событии, как появление в городе первых видеоманитофонов! Возможность самостоятельно выбирать умопомрачительные зрелища сравнима, пожа-

луй, с полетом Гагарина в космос. Это как переход полинезийцев от бус к компьютерам. Всего пара-тройка счастливи-ков из нескольких десятков тысяч горожан получили такую возможность, обеспечив себе уникальное положение. Вот, допустим, говорят: человек с большой буквы. Всем все понятно. Но ведь речь опять-таки идет о человеке. А первые пользователи VHS, конечно, были уже как бы не совсем лю-ди. Точнее, мы все перед ними становились уже не совсем людьми, а они превращались почти что в инопланетян – за-гадочных, могущественных, а с точки зрения редких счаст-ливчиков, попадавших на закрытые домашние просмотры, еще и добрых. Очень хотелось с ними дружить. Быть полез-ным, знаете ли. Держать, хотя бы иногда, в руках эти вот... такие вот штуки черные, ни на что не похожие. Со стеклыш-ками. Там у них пленка внутри.

Подлинный эмоциональный криз испытывали те, кто, ска-жем, привык к названиям фильмов типа «Премия», «Девять дней одного года», «Слезы капали». А тут вам – «Безум-ный Макс»! «Смертельное оружие»! «Горячая жевательная резинка»! Ум стремился за разум. Смотрели исключитель-но боевики, ужасы, редко – комедии. О порнухе сначала да-же не вспомнили. Утомительный диспут об отличиях эроти-ки от порнографии возник позже, вместе с рассуждениями о реваншизме буржуазных идей. Кто-то хвастался тем, что просмотрел четыре четырехчасовые кассеты подряд, друго-му успешно клеили уголовную статью за показ «клубнички».

Отечественные видеомагнитофоны, если их обесточить, кассету не отдавали. Милиция звонила в дверь, после чего сразу вырубала электричество. Перепуганный ценитель визуальной альтернативы впускал стражей порядка, те включали свет и в присутствии понятых, добровольцев-дружинников, местной старушечьей кодлы изымали кассету на предмет проверки соответствия достоинств фильма общепринятым моральным нормам. Зачастую нормы противоречили достоинствам, но дух свободы продолжал заражать новые территории. Зрела революционная ситуация в гуманитарной сфере. Впереди нас ждала другая эпоха, товарищи! (**Аплодисменты.**) И пусть никто не сомневается в нашей общей решимости обеспечить свои интересы, защитить социалистические завоевания народа! (**Продолжительные аплодисменты.**) Так будет! (**Бурные, продолжительные аплодисменты.**) Главная задача заключается в дальнейшем росте благосостояния советских людей на основе устойчивого, поступательного развития народного хозяйства. (**Продолжительные аплодисменты.**) ...ускорения научно-технического прогресса... (**Бурные аплодисменты всего зала.**) ...и перевода экономики на интенсивный путь развития, более рационального использования производственного потенциала страны, всемерной экономии всех видов ресурсов и улучшения качества работы! (**Бурные аплодисменты, переходящие в овацию.**) Мы выбрали этот путь, и мы с него не свернем!! (**Нескончаемая овация всего зала.**) Нас не

колышет!!! (Звучат одобряющие возгласы. Все поднимаются с мест.)

Вещественные доказательства

Величие Духа, под которым следует понимать элементарную идеологию, противопоставлялось вещизму – совершенно очевидному явлению, многими почему-то называемому «презренным». Самым ходовым проявлением вещизма, источником и главным условием его существования являлись, конечно, деньги. Сейчас уж трудно наглядно обозначить удельный вес такой суммы, как, например, сто двадцать рублей. Не легче будет представить, насколько большее значение имела зарплата не в сто двадцать, а в триста рублей. Почти в три раза, скажете вы.

Нет и нет!

Ведь разница, предположим, между начинающим лаборантом и профессором, заведующим кафедрой, в цивилизованном мире заключается не только в возрасте, социальном положении или той же зарплате. Это – принципиальная разница. Устанавливать границу посредством разделения людей на богатых и бедных – значит допускать смысловые погрешности. Другое дело – кумир и его поклонник. В ту эпоху, о которой мы говорим, человек, зарабатывающий почти в три раза больше, мог во многих случаях служить своего рода кумиром для получающих почти в три раза меньше. Именно так. Тогдашнее понятие «миллионер» – слишком книжное, целлулоидное понятие. Хотя настоящие миллионеры (с точ-

ки зрения обывателей – чудища о трех головах) где-то таились. Примерно один раз в несколько «пятилеток» кого-нибудь из них обязательно громко судили.

Но какой там мешок с деньгами?! Какой чемодан с долларами?!

Червонец! Красный! Кровавый! КРОВНЫЙ! Обеспеченный золотом и драгоценными камнями! Подлежащий мгновенной конвертации в колбасу, водку, коробку конфет или третью часть обувной пары. Вот где чувствовали силу!

У всякого человека есть в жизни потрясения. Одно из моих подлинных потрясений связано именно с деньгами. А было так.

Еще во времена начальной школы я зашел в гости к одному из своих одноклассников. Его Старший брат (величественно старший, по нашим представлениям) оказался дома. Он перехватил мой почтительный взгляд, направленный в сторону полочки секретера. Там совершенно обиходно лежал красивый казначейский билет фиолетового цвета. *Двадцать пять рублей!!!*

– Хочешь, порву? – предложил мне Старший.

Помню, я только замотал головой из стороны в сторону и что-то мыкнул, предчувствуя недоброе.

Аккуратно в полной тишине Старший взял четвертак. Раздался убийственный бумажный хруст, который разделил тишину надвое. Немного подумав и сложив вместе половинки купюры, Старший повернул их вверх ногами. Прозвучал

еще один хруст. Убийственный. Четыре части тишины застлали мое сознание. Старший аккуратно возвратил останки денег на полку секретера, а мы с приятелем переглянулись и на цыпочках оставили жилище.

Отдельный разговор – об убранстве квартир. Эксплуатировался постоянный репертуар предметов для видимого достатка: кухонный гарнитур, мебельный гарнитур, «тройка» – диван и два кресла, чайный сервиз, люстра-«водопад» из фальшивого хрусталя, хрусталь подлинный (если повезет – чешский), японский переносной магнитофон. Балкон полагалось иметь застекленным, пол паркетным, а телевизор цветным.

Такая жесткость в предпочтениях все же позволяла владельцам маневрировать. Разность людей, безусловно, сказывалась на разнице общей атмосферы в их домах.

Однажды мне довелось посетить квартиру другого моего одноклассника. Наши учителя имели веские основания добавлять к его имени Леша эпитет «Божий». Аналитические способности парня ошеломляли. Как-то раз его угостили импортным шоколадом, и Леша впервые в жизни увидел представленный на обертке штрихкод. «Надо же, – удивился он, – какие необычные у шоколада спектральные линии!»

Первое, что сделал этот человек, достигнув совершеннолетия, – попробовал уйти пешком в Тибет. Причем завернули путешественника уже на китайской границе.

Но речь сейчас о квартире. Помимо Леша с родителями,

в ней проживали еще несколько братьев и, кажется, сестер, а также полумертвый пес Абель, названный так в честь знаменитого разведчика. Есть ли тут прямая связь, утверждать не берусь, однако обои во всех комнатах производили удручающее впечатление. Удручающее прежде всего запахом. Семья вынужденно драпировала обои географическими картами мира.

Ни одного целого оконного стекла я не увидел, их покрывала разветвленная сеть трещин. Лешины родители любовно заклеивали трещины скотчем или, на худой конец, полосками бумаги. Треснутым был даже кинескоп у телевизора, поскольку его нечаянно уронили, и, как назло, уронили именно кинескопом вниз. Наверное, не стоит уточнять, что Леша носил раздолбанные очки, так называемые Оси Координат, хотя крестообразными трещины были только в одном из стекол, в другом они складывали букву «А». У каждого из нас так и чесались руки выдавить верхнюю часть буквы.

С одной стороны, преподаватели нас пугали рассказами о войне, о цене хлеба, о людях, не смеющих смахивать крошки на пол. Они вроде как, значит, бережно собирают их в ладонь, после чего вбрасывают прямым в рот. С другой стороны, у того же Леша мы с высоты десятого этажа обстреливали мир свежими куриными яйцами, иной раз – картошкой. Был случай, когда под гнетом ослепляющего ража достали банку тушенки и едва не пробили ею крышу проезжающего внизу пассажирского автобуса... У словоблудов есть ку-

ча терминов на сей счет: «дуальность», «поливариантность», «инверсия», «интерпретация». А по мне – это хрен знает что такое.

Вещи делились на видимые и невидимые, то бишь укромные, личностные. Мальчики собирали микроскопические копии автомобилей, подшивки журнала «Техника – молодежи» (если повезет – «Искатель»), наборы для сборки авиамоделей. Девочки занимались составлением того, что в другое время и в другом месте называется «дембельским альбомом». Зародыш подсознания копошился на бумажной плоскости, оставляя яркие разноцветные следы в виде моря, пальм, луны со звездами, причудливых растений, цветов. И конечно, все это сдабривалось стихами. Только стихами! Проза допускалась в исключительных случаях, если требовалось привести отрывок из вымышленной любовной переписки.

А я владел особой коробочкой, куда, помимо традиционных, хотя и фантастических, вкладышей от жвачки, складывал обертки от мыла, сливочного масла, сладостей – в общем, всего иноземного, вдохновляющего как дизайном, так и нерусскими буквами. Среди накопленных богатств особенно дорогой мне казалась этикетка от первых в моей жизни по-настоящему американских джинсов. Размер талии у них соответствовал объему бедер дохлого десятилетнего мальчика, но длина брючин подошла бы двухметровому верзиле. Джинсы укоротили почти вдвое, и я долго размышлял, куда

девать обрезки. Выбросить? Святотатство. Но практически-го применения найти им так и не удалось.

Мои вторые джинсы шились уже на заказ. Разгул воображения обеспечил дикое количество карманов, молний, клепок, кнопок. Однако особую гордость вызывал крохотный четырехугольничек *lipa*. Кроссовки «на липах» могли позволить себе только дети дипломатов или конченные фарцовщики. Я специально копил деньги, с целью соблазнить на сделку парня из соседнего двора. У его бабки-гипертонички имелся специальный аппарат, мерить давление. К аппарату был приложен черный рукав, который обматывали вокруг руки. Так вот этот тотально залипованный рукав предполагалось разрезать на узкие полоски и продать ценителям по рыночной цене. Но что-то там сорвалось. А жаль!

Периодически несовершеннолетние подвергались различным вещевым поветриям. Например, целое лето мы посвятили одноразовым пластмассовым шприцам. Тогда AIDS еще являлся диковинкой, первые зараженные им продолжали развратничать в наивном неведении, а шприцы попали к нам, в страну, по условиям какого-то внешнеторгового контракта. Силы шприцевого поршня хватало, чтобы выстрелить струей воды до третьего этажа.

Или взять повальное увлечение пугачами. Бралась медная тонкая трубка, один конец ее плющился, изгибался. Внутрь заливалась капля свинца (в иных случаях заталкивался кусочек фольги), после чего брался гвоздь, также изогнутой

буквой «Г», и заточенной частью вставлялся внутрь трубки. После того как трубку начинали несколькими серными головками от спичек, гвоздь на резинке осторожно вытягивали. Но не до конца, а так, чтобы он застревал под небольшим углом. Теперь достаточно было нажать на резинку. Гвоздь срывался, с силой бил по трубочной начинке, и окрестности заполнял грохот взрыва.

Ходили слухи о юных химиках-натуралистах, способных разнести в щепы многоэтажную башню. Знали о таких умельцах все, но никто и никогда их не видел. Более-менее серьезные реактивы тоже исключались. Зато кусочек титана имел каждый. Старшеклассники продавали искрящийся металл своим младшим коллегам, дабы те чиркали им об асфальт. Чиркали, разумеется. Куда ж деваться!

Бедные дети мирного времени... Моя природная сдержанность укрощала внутренних демонов материализма. У большинства же сверстников демоны распускали руки. В редких случаях, когда бабушка (гарпия, деревенский мутант) допускала к нам в гости кого-нибудь из ребят, они моментально утрачивали человеческий облик и могли хотя бы частично его восстановить только после того, как обнюхают все доступные предметы. Вытаращив глаза, высунув язык, капая слюной, гости ковырялись в книжках, игрушках. То и дело, взяв что-нибудь в руки, глухо мычали:

– Ачеита?!

Я едва успевал открыть рот в попытке дать объяснение,

но приглашенный хватал следующую вещь – не важно какую
– и столь же тупо вопрошал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.